

УДК 159.9

EDN UMHHBL

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567>

Научная статья

Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация

К. В. Карпинский ^{✉1, 2}

¹ Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22

² Мамун университет, 220900, Узбекистан, г. Хива, ул. Болхавуз, д. 2

Для цитирования: Карпинский, К. В. (2024) Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 4, с. 543–567. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567> EDN UMHHBL

Получена 8 августа 2024; прошла рецензирование 12 сентября 2024; принята 9 октября 2024.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г23УЗБ-053.

Права: © К. В. Карпинский (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты психометрического исследования, направленного на создание оригинальной диагностической методики «Шкала ценностного отношения к детям». Теоретико-методологические основания исследования составила психологическая концепция личностного смысла ребенка. Методика операционализирует ценностное отношение в качестве одного из психологических типов личностного смысла ребенка для взрослого, а именно как позитивный терминальный смысл. **Материалы и методы.** Пилотажная версия методики представляла собой опросник с 20 пунктами и шестиразрядной шкалой ответов ликертовского типа. Эмпирическая апробация методики осуществлялась на белорусской популяционной выборке взрослых (половозрелых) людей (N = 1920). Психометрическая разработка, валидизация и стандартизация методики производились в русле комбинированного подхода, объединяющего технологии классической (СТТ) и стохастической (IRT) теории теста. Из двух конкурирующих IRT-моделей для методик с политомической шкалой ответов — модели рейтинговой шкалы (RSM) и модели частичных кредитов (PCM) — последняя показала лучшее соответствие эмпирическим данным и была положена в основу калибровки пунктов и общей шкалы. В процессе конструирования методики оценивались парциальные измерительные свойства, характеризующие отдельные пункты (дискриминативность, трудность, дифференциальное функционирование, пороговая статистика, критериальная и конструктивная валидность) и интегральные измерительные свойства, характеризующие шкалу в целом (содержательная, очевидная, структурная, критериальная, конвергентная и дискриминативная валидность, а также консистентная и ретестовая надежность). В целях валидизации методики использовались различные методы и процедуры (независимые экспертные оценки, когнитивное интервью и т. д.).

Результаты исследования. В завершеном виде «Шкала ценностного отношения к детям» представляет собой одномерный стандартизированный опросник, который позволяет диагностировать индивидуальную выраженность позитивного терминального смысла ребенка (детей) для испытуемого. По своим измерительным свойствам методика полностью соответствует конвенциональным психометрическим стандартам, может применяться в рамках выборочного научно-психологического исследования и индивидуального психодиагностического обследования. Целевой диагностический контингент составляют взрослые люди, причем методика демонстрирует одинаково высокую экологическую валидность в отношении испытуемых как в актуальном, так и в потенциальном родительском статусе. **Заключение.** Ближайшая перспектива психометрической проработки методики связана с определением ее устойчивости к действию фактора социальной желательности, поскольку в условиях политики пронатализма ценностное отношение к детям является социально одобряемым индивидуально-психологическим свойством взрослого человека.

Ключевые слова: личностный смысл ребенка, ценностное отношение к детям, психодиагностика, стандартизированный личностный опросник, валидность, надежность

Research article

The Value of Children Scale: Development, validation and standardization

K. V. Karpinski ^{1,2}

¹ Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus

² Mamun University, 2 Bolhovuz Str., Khiva 220900, Uzbekistan

For citation: Karpinski, K. V. (2024) The Value of Children Scale: Development, validation and standardization. *Psychology in Education*, vol. 6, no. 4, pp. 543–567. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-4-543-567> EDN UMHHL

Received 8 August 2024; reviewed 12 September 2024; accepted 9 October 2024.

Funding: The study was carried out with financial support of The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project Г23УЗБ-053.

Copyright: © K. V. Karpinski (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The article presents a psychometric study aimed at creating the Value of Children Scale, an original measurement method. The study is grounded in the socio-psychological concept of the personal meaning of a child. The method operationalizes the value of children as a psychological type of personal meaning — namely, as a positive terminal meaning of a child for an adult.

Materials and Methods. The pilot version included 20 items and a six-item Likert-type scale. Its empirical testing was carried out on a Belarusian population sample of adults (sexually mature people), N = 1920. Psychometric development, validation and standardization of the instrument were carried out in line with a combined approach that joins the technologies of the CTT and IRT test theories. Of the two competing IRT models for polytomous response scale — i. e., the Rating Scale Model (RSM) and the Partial Credit Model (PCM) — it is the PCM that showed the best fit to the empirical data and was used as the basis for item calibration and overall scale calibration. Item-level measurement properties (discriminativity, difficulty, differential functioning, threshold statistics, criterial and construct validity), scale-level measurement properties (content, face, structural, criterial, convergent and discriminant validity), consistency and test-retest reliability were assessed.

Results. The final version of the Value of Children Scale is a unidimensional standardized questionnaire that makes it possible to measure the subject's individual level of positive terminal meaning of a child. The instrument fully complies with conventional psychometric standards and can be used for sample psychological research and individual psychodiagnostic examination. The target population includes adults, and the instrument demonstrates equally high ecological validity for respondents with different parental status.

Conclusions. Future research may focus on determining the instrument's resistance to the influence of social desirability, since the value of children is a socially approved individual trait in adults.

Keywords: personal meaning of child, value of children, psychodiagnostics, standardized personality questionnaire, validity, reliability

Введение

Ценностное отношение к детям как диагностический конструкт

С позиций многих современных наук потребность доминанту и ценностный приоритет жизнедеятельности взрослого должен составлять ребенок. В эволюционной биологии, антропологии и психологии филогенетически выработанная потребность в потомстве считается вершиной «пирамиды» врожденных биологических нужд и мотиваций (Aunger, Curtis 2013; Bernard et al. 2005; Kenrick et al. 2010). В разных отраслях обществоведения

и человекознания — истории, демографии, социологии, этнографии, культурологии, фрурологии, репродуктивистике и других — отмечается прогрессивное нарастание общественной потребности в детях и неуклонное историческое возвышение социальной ценности детей (Бесчасная 2018; Илышев, Багирова 2021; Капица 2010; Кон 2003; Тендрякова 2022). По логике наук, вследствие совместного действия механизмов биологической и социальной детерминации, дети — их рождение и воспитание — должны приобретать предельную личностную ценность и превращаться в главный источник смысла жизни для очень

многих, если не для всех половозрелых социализированных людей.

Однако результаты психологических исследований, социологических и демографических опросов, проведенных в разных странах и в разное время на репрезентативных национальных выборках, свидетельствуют, что смысл жизни с детьми ассоциирует далеко не каждый взрослый (Arnold et al. 1975; Trommsdorff, Nauck 2005). Согласно данным недавних исследований на белорусских популяционных выборках, смысл жизни в рождении и воспитании детей черпают от 53 до 83 % взрослых (Карпинский 2021; 2023). Факты указывают на то, что вопреки филогенетически сформированной биологической потребности и исторически сложившейся социальной ценности детей, в индивидуальной жизнедеятельности конкретного взрослого ребенок может наделяться весьма разным личностным смыслом.

В рамках методологии культурно-исторического и деятельностно-смыслового подходов личностный смысл ребенка для взрослого понимается как высшая по регуляторному рангу и культурная по происхождению психическая функция, становление которой приводит к ослаблению и замещению низших (натуральных) психических функций, отвечающих за регуляцию взаимодействия взрослого с ребенком, в первую очередь, в контексте репродуктивного и родительского поведения. Являясь механизмом более позднего генеза и более высокой регуляторной силы, личностный смысл ребенка отменяет жесткую зависимость человеческого поведения от биологического мотивационного императива размножения. Будучи индивидуализированным значением, складывающимся в личном жизненном опыте на основе индивидуальных потребностей, ценностей и мотивов, личностный смысл ребенка обеспечивает эмансипацию взрослого человека от социальной ценности и конвенционального значения детей, освобождает его от давления социальных норм, ожиданий и других социокультурных регуляторов репродукции и родительства. Общим итогом функционального преодоления биологических и социальных регуляторов на уровне личностного смысла ребенка выступает репродуктивная свобода человека: если другие живые существа не могут не размножаться, люди способны как рожать, так и не рожать детей (Карпинский 2019; 2023).

В предложенной концепции личностного смысла ребенка выделяются следующие психологические типы смысла:

1) *позитивный терминальный смысл*, при котором ребенок осмысливается взрослым как самостоятельная жизненная ценность;

2) *позитивный прагматический (инструментальный, или ресурсный) смысл*, при котором ребенок осмысливается как: а) средство, инструмент, ресурс — условие, способствующее реализации жизненных ценностей; б) помощник, соратник, партнер — субъект, содействующий реализации жизненных ценностей взрослого;

3) *негативный терминальный смысл*, при котором ребенок осмысливается как антиценность в жизни взрослого;

4) *негативный прагматический (преградный, или барьерный) смысл*, при котором ребенок осмысливается как: а) преграда, помеха, барьер — условие, препятствующее реализации жизненных ценностей; б) противник, конкурент, соперник — субъект, противодействующий реализации жизненных ценностей взрослого.

Наконец, возможно *смысловое отчуждение ребенка*, при котором он представляет чуждое, лишнее и безразличное — словом, абсолютно бессмысленное — обстоятельство жизни взрослого (Карпинский 2023; 2024а; 2024б).

Каждый тип личностно-смыслового отношения характеризуется специфическими *онтологическими, феноменологическими, структурно-субстратными и регуляторными особенностями*. Под онтологией понимается характеристика объективного места и роли ребенка в контексте жизненного мира и жизненного пути взрослого; под феноменологией — характеристика субъективного восприятия, понимания и переживания ребенка в плоскости индивидуального сознания взрослого; под субстратностью — характеристика личностных структур, выступающих субстратом личностного смысла ребенка, и их соотношения с другими смысловыми структурами в строении смысловой сферы личности взрослого, в первую очередь, в его индивидуальной мотивационно-смысловой иерархии; под регуляторикой — характеристика функций, выполняемых личностным смыслом ребенка в системе психической регуляции отдельных форм поведения, видов деятельности и целостной жизнедеятельности взрослого.

Описание того или иного типа личностного смысла ребенка для взрослого в единстве онтологического, феноменологического, субстратно-структурного и функционально-регуляторного аспектов составляет его целостную психологическую характеристику (Карпинский 2022а). В этом контексте проанализируем специфику позитивного терминального смысла, который

соответствует ценностному отношению взрослого к конкретному ребенку и детям вообще.

В *онтологическом аспекте* этому типу личностного смысла отвечает *детоцентрическая организация жизненного мира и детономическая направленность жизненного пути* взрослого. Это значит, что ребенок составляет условный «центр» жизненного мира и системообразующий «узел» всех жизненных отношений взрослого. К ребенку сходится большинство жизненных отношений и реализующих их видов деятельности, вокруг него выстраивается и «вращается» повседневная жизнь взрослого. При такой организации остальные сферы жизненных отношений (профессия и карьера, досуг и рекреация и т. д.) локализованы на периферии жизненного мира взрослого. Детоцентризм как особенность устройства жизненного мира сочетается с детономизмом как особенностью протекания жизненного пути взрослого. Последняя выражается в том, что ребенок устойчиво задает общую логику и сквозную направленность жизнедеятельности взрослого в долгосрочной (в пределе — биографической) перспективе. Свои решения и поступки, дела и занятия, слагающие индивидуальную жизнедеятельность, взрослый ориентирует преимущественно на ребенка, и большую часть фундаментальных жизненных ресурсов — времени, физических сил, ментальной энергии (внимания), финансовых средств и т. п. — также расходует именно на него.

В *феноменологическом аспекте* ценностному отношению соответствует понимание и переживание взрослым чрезвычайной субъективной значимости ребенка, который воспринимается как *любимый, идеальный и сверхзначимый (биографически значимый) другой*. Феноменологическими индикаторами такого отношения выступают позитивная валентность и предельная интенсивность представлений и переживаний, адресованных детям, что принимает формы идеализации детей и детолюбия. Любовь к определенному ребенку и к детям вообще считается характерной эмоциональной модальностью ценностного отношения к ним со стороны взрослого. В свое время С. А. Рубинштейн обосновал единство ценностного отношения человека к человеку и любви как специфического выражения этого отношения: «Любовь в ее «онтологическом» содержании — это процесс вычленения из сплетения целей и средств особого, неповторимого существа данного человека <...> В настоящей любви другой человек существует для меня не как «маска», т. е. носитель определенной функции, который может быть испол-

зован соответствующим образом как средство по своему назначению, а как человек в полноте своего бытия» (Рубинштейн 1973, 373).

Эта идея созвучна современным концепциям в области психологии мотивации и эмоций, которые постулируют однозначно-однозначные соответствия между, с одной стороны, содержательно определенной и функционально специализированной мотивацией и, с другой стороны, качественно специфической эмоцией или чувством, которое выступает феноменологическим маркером мотивации*. Применяя эту идею к концепции личностного смысла ребенка, можно утверждать, что подлинная любовь произрастает на основе именно ценностного отношения (позитивного терминального смысла), но не инструментального отношения (позитивного прагматического смысла). Хотя инструментальный смысл ребенка также переживается в широкой палитре положительных эмоций и чувств (прежде всего, уважения), он не порождает чувства любви — беспричинной, бескорыстной и неутилитарной радости взрослого по поводу самого факта присутствия или самой возможности существования этого ребенка в его жизни. Как справедливо отмечал С. А. Рубинштейн, «для нелюбящих в ходе жизни человек выступает по преимуществу в своей функции, которого соответственно ей используют по своему назначению как средство» (Рубинштейн 1973, 375).

Однако из тезиса об однозначности и специфичности связи между ценностным отношением к ребенку и чувством любви к нему не следует выводить поспешные следствия. Отсюда, в частности, не следует, что при ценностном отношении к ребенку взрослый способен испытывать только чувство безусловной любви, тогда как весь остальной спектр человеческих эмоций и чувств оказывается не востребованным. Рассматривая взаимосвязи мотивационно-смысловых отношений и эмоциональных переживаний человека, невозможно игнорировать процессы «ситуативного развития мотивации» (Вилюнас 1990, 41), или «малой динамики смысловых образований личности» (Асмолов и др. 1979, 39–40). Эти процессы приводят к тому, что при взаимодействии человека с одним и тем

* Так, в концепции поведенческой иммунной системы (behavioral immune system, BIS) утверждается релевантность чувства отвращения (feeling of disgust) протективной мотивации, направленной на сохранение здоровья и избегание заражения и болезни (Schaller 2006); в концепции мотивации родительского ухода (parental care motivation) постулируется прямая связь с чувством нежности по отношению к детям (feeling of tenderness) (Buckles et al. 2015).

же объектом в разных жизненных ситуациях его устойчивое смысловое отношение к данному объекту каждый раз трансформируется: генерализуется и конкретизируется — как бы заново «опредмечивается» с учетом текущих условий взаимодействия. Это, в свою очередь, порождает широкую гамму конкретных эмоций и чувств, проистекающих из основного обобщенного чувства к объекту.

Ситуативная динамика любви человека к человеку, за которой скрывается обусловленность ценностного отношения изменениями жизненного контекста, замечательно описана С. Л. Рубинштейном: «Чувство любви к другому человеку — это чувство радости от общения с ним, восхищения, от того образа человеческого, который при таком общении с ним выявляется, связанной с этим нежности к нему, заботы о нем, как только ему начинает что-то угрожать, огорчения, когда он терпит неудачи или подвергается страданиям, возмущения, когда по отношению к нему совершается несправедливость, гордости, когда в трудных ситуациях он оказывается на высоте — все эти чувства выражают применительно к разным обстоятельствам, их вызывающим, одно и то же отношение к человеку» (Рубинштейн 1959, 262). И хотя детолюбие является специфической феноменологической «сигнатурой», эмоциональной «сигнализацией» ценностного отношения к ребенку, это не исключает возможность переживания взрослым широкой палитры ситуативно вызванных эмоций и чувств по поводу этого ребенка и других детей.

В *структурно-субстратном аспекте* ценностное отношение к детям характеризуется особой формой его структурной фиксации и особым способом иерархического построения смысловой сферы личности взрослого. С позиций деятельностно-смыслового подхода субстратом ценностного отношения человека к чему бы то ни было выступает личностная ценность (Братусь 1988; Карпинский 2021; Леонтьев 1999; Салихова 2010). Личностная ценность — это мотив, который под влиянием средовой и субъектной детерминации (внешнего мотивационного обусловливания и опосредования, а также собственных выборов и поступков человека) поднялся на вершину индивидуальной мотивационной иерархии, приобрел чрезвычайную субъективную значимость и трансситуативную устойчивость, распространил свои регулирующие функции за пределы исходно породившей его частной деятельности на индивидуальную жизнедеятельность в целом.

Соответственно, при ценностном отношении к детям вершину индивидуальной мотивационной иерархии взрослого составляет ребенок, а остальным мотивам отведено подчиненное положение. При таком строении ребенок соответствует статусу *личностной ценности* — супермотива, который побуждает, направляет и смыслообразует уже не какую-то парциальную деятельность в ситуативном масштабе, а целостную жизнедеятельность взрослого в биографическом масштабе, т. е. всю совокупность прижизненно освоенных и повседневно практикуемых им видов деятельности. По сути, в этом случае ребенок выступает для взрослого *источником смысла жизни*.

Наряду с базовыми и универсальными функциями побудительной регуляции, присущими всем психическим структурам мотивационно-смысловой природы, личностные ценности обладают рядом дополнительных уникальных функций, которые обуславливают специфику ценностного отношения к детям в *регуляторном аспекте*. При таком отношении дети начинают выполнять важные функции в контурах психической регуляции индивидуальной жизнедеятельности и личностного развития взрослого:

- *субординационную* (ребенок составляет высшую ценность, которая подчиняет себе и доминирует над альтернативными терминальными ценностями);
- *смыслообразующую* (ребенок переживается как источник смысла и залог осмысленной жизни);
- *идентификационную* (ребенок и родительство конституируют Я-концепцию, социальную и личностную идентичность взрослого);
- *гедонистическую* (ребенок и родительство включаются в субъективный стандарт «хорошей жизни», служат «драйверами» позитивного аффекта и удовлетворенности жизнью);
- *эвдемоническую* (рождение и воспитание детей образует первостепенный субъективный критерий жизненного успеха, непреложное условие полноценной жизни, продуктивной самореализации и счастья);
- *развивающую* (рождение и воспитание детей полагается в качестве одной из ведущих жизненных задач, без которой немислимо достижение взрослости и обретение зрелости);
- *самотрансценденции и персонализации* (рождение и воспитание детей определяет стратегию планирования жизненной перспективы, способ самотрансценденции и персонализации).

В общем, приобретая в жизни взрослого позитивный терминальный смысл, ребенок становится для него высшим ценностным приоритетом, источником смысла жизни, критерием самореализации, мерилom жизненного успеха, основанием личностной идентичности, индикатором подлинной зрелости/взрослости, условием гедонии и эвдемонии, средством конструирования жизненной стратегии и перспективы, предпосылкой персонализации и самотрансценденции (Карпинский 2022b; 2023).

Таким образом, ценностное отношение проявляется в особой картине субъективных представлений, переживаний и побуждений взрослого по поводу детей, а также в характерном рисунке общения и обращения с ними. Описанные феноменологические и поведенческие признаки обладают высокой специфичностью и информативностью в контексте эмпирического изучения ценностного отношения к детям как латентного психологического конструкта. Их учет весьма важен при конструировании диагностической методики, прежде всего, при проектировании ее стимульного материала. В целях обеспечения содержательной, очевидной и конструктивной валидности методики эти особенности были заложены в содержание стимульного материала в качестве эмпирических индикаторов ценностного отношения к детям.

Материалы и методы

Отталкиваясь от изложенных концептуальных представлений, было сформулировано 20 пунктов (12 прямых и 8 обратных), составивших стимульный материал будущего опросника. Все пункты имели форму суждений, денотатом которых выступают «ребенок», «дети», «потомство». Чтобы обеспечить пригодность методики для диагностики не только родителей, но и людей, которые еще или уже не имеют детей, эти ключевые слова употреблялись без притяжательных местоимений («мой», «мои», «свой», «свои» и т. д.). Согласно прилагаемой инструкции, испытуемый должен оценить каждое утверждение на предмет соответствия личному опыту, руководствуясь политомической шкалой ответов ликертовского типа. Шкала предоставляет опции ответа от «1 — совершенно неверно» до «6 — совершенно верно», является симметричной (предусматривает по три градации согласия и несогласия) и не включает нейтральной категории ответа.

Пилотажная версия методики апробировалась на белорусской популяционной гетерохронной выборке с остаточной численностью 1920 чело-

век: 1376 женщин и 544 мужчины в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 35,88$, $SD = 9,09$). Репрезентативность выборки обеспечивалась гетерогенностью состава испытуемых по признакам, прежде всего, семейного положения, родительского статуса, стажа родительства и характера профессиональной деятельности. Данные собирались в формате бланкового обследования на условиях добровольного информированного согласия и безвозмездного участия. С учетом корреляционного дизайна и планируемых статистических процедур исследования, а также размеров эффекта, принятых в качестве пороговых значений различных психометрических показателей, в нашем случае минимально необходимый объем выборки — $N = 319$ при вероятности ошибки I рода $\alpha = 0,05$ и статистической мощности $(1 - \beta) = 0,95$ (согласно расчетам в программе G*Power 3.1). Поскольку обследованная совокупность испытуемых отвечала требованиям репрезентативности и статистической мощности, она послужила выборкой не только апробации и валидизации, но также стандартизации методики.

В комплекте с пилотажной версией шкалы предлагались критериальные методики, диагностирующие индивидуально-психологические особенности испытуемых как субъектов репродуктивного и родительского поведения, а также профессиональной педономической деятельности.

Результаты и их обсуждение

Содержательная и очевидная валидность методики

В целях обеспечения содержательной валидности применялась процедура независимой экспертной оценки. Роль экспертов выполняли два специалиста в области психодиагностики и психометрии, предварительно ознакомленные с теоретической трактовкой диагностического конструкта и общим замыслом методики. Каждое из 20 стимульных утверждений они оценивали в двух аспектах:

1. Содержательная релевантность («Насколько содержание пункта отражает психологические или поведенческие проявления, характерные для ценностного отношения к детям?»). При этом применялась рейтинговая шкала от 0 до 5 баллов, где оценка «0» означала полное содержательное несоответствие, а оценка «5» — полное содержательное соответствие пункта.
2. Содержательная направленность («Каким пунктом в составе методики — прямым или обратным — является данное утверждение?»).

При решении задачи эксперты классифицировали пункты на две соответствующие категории.

По первому критерию пункты методики были оценены как релевантные диагностическому конструкту: 15 пунктов — единогласно на 5 баллов, один пункт — единодушно на 4 балла, а в отношении четырех пунктов экспертные мнения не совпали, но укладывались в диапазон от 3 до 5 баллов. Статистика индивидуальных оценок первого ($M = 4,7$, $SD = 0,57$) и второго ($M = 4,9$, $SD = 0,30$) экспертов указывает на то, что исходный массив пунктов достаточно полно отражает картину психологических и поведенческих проявлений ценностного отношения к ребенку. Коэффициент конкордации Кендалла для экспертных оценок составил $W = 0,79$.

По результатам классификации 19 из 20 стимульных утверждений были однозначно распознаны как прямые или обратные пункты. Экспертная оценка при этом совпала с дизайном, который изначально задан этим пунктам при разработке стимульного материала. О согласованности экспертных классификаций свидетельствует значение коэффициента каппа Коэна ($Cohen's\ k = 0,90$).

По итогам совещания с экспертами пункты, вызвавшие разногласия, были подвергнуты содержательной и стилистической ревизии.

В целях проверки очевидной (лицевой) валидности использовалась технология когнитивного интервью. Фокус-группу составили 10 человек — трое мужчин и семь женщин в возрасте от 20 до 50 лет (из них 4 — не имеющие детей, 6 — воспитывающие детей). Процедура когнитивного интервью с каждым из них включала два последовательных этапа: конкурентное интервью (вербальный самоотчет испытуемого непосредственно в процессе работы с методикой с использованием метода рассуждения вслух) и ретроспективное интервью (анкетная оценка методики сразу по окончании тестирования).

На первой стадии когнитивного интервью были выявлены 4 пункта, которые оказались затруднительными и неоднозначными для понимания испытуемых. Снижение когнитивной доступности было обусловлено сравнительно редкими для обыденной речи словами и оборотами, а также формулировкой пунктов в виде сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Исходные формулировки этих пунктов корректировались в сторону упрощения употребляемой лексики и облегчения грамматической конструкции.

Результаты второй стадии когнитивного интервью показали, что на основании ознаком-

ления с инструкцией и стимульными утверждениями испытуемые правильно ориентируются в предмете и целях диагностики (они идентифицировали их в таких терминах, как «отношение к ребенку», «восприятие детей», «личное мнение о детях и родительстве», «готовность стать родителем», «желание иметь детей», «отношения родителей и детей» и т. п.). Анкетирование не выявило пунктов, которые были бы деструкторами и демотиваторами работы с методикой, т. е. вызывали у испытуемого выраженное затруднение с ответом и, как следствие, желание пропустить пункт или вообще отказаться от дальнейшего обследования. Стандартная шкала ответов также не вызвала нареканий со стороны испытуемых.

Судя по ретроспективным баллированным (от 0 до 10 баллов) ответам испытуемых на вопросы анкеты, работа с методикой:

- не порождает у испытуемых выраженное внутреннее дискомфорта в виде настороженности, опасений, тревоги, вины или каких-то других неприятных ощущений ($M = 0,4$, $SD = 0,69$, $Min = 0$, $Max = 2$);
- возбуждает выраженный субъективный интерес ($M = 8,6$, $SD = 1,26$, $Min = 6$, $Max = 10$);
- не вызывает утомления ($M = 1,1$, $SD = 1,72$, $Min = 0$, $Max = 5$).

Расчет ранговых корреляции τ -Кендалла свидетельствует, что такие параметры субъективного опыта испытуемого при работе с методикой, как дискомфорт, интерес и утомление, тесно связаны между собой. Интерес к содержанию и увлекательность процесса диагностики в значительной мере предотвращает развитие у испытуемого эмоционального напряжения ($\tau = -0,70$) и функционального утомления ($\tau = -0,74$). Отсюда следует, что наиболее высокую очевидную валидность методика будет демонстрировать при обследовании людей, для которых рождение и воспитание детей представляет актуальную жизненную задачу или животрепещущую личностную проблему.

Таким образом, в аспекте основных разновидностей априорной валидности — содержательной и очевидной — методика удовлетворяет современным стандартам психодиагностики. Дальнейший анализ ее психометрических свойств, в том числе ключевых видов апостериорной (структурной, критериальной и конструктивной) валидности, производился на эмпирическом материале выборки апробации и стандартизации. При этом использовался комбинированный подход, сочетающий психометрические процедуры

и технологии как классической (СТТ), так и стохастической (IRT) теории теста.

Структурная валидность методики

Психометрическое изучение внутренней структуры исходного массива пунктов осуществлялось эксплораторным (EFA) и подтверждающим (CFA) факторным анализом. Показания тестов адекватности Кайзера — Мейера — Олкина и сферичности Бартлетта подтвердили пригодность матрицы интеркорреляций пунктов для факторно-аналитической стратегии разработки опросника (КМО = 0,953, $\chi^2 = 17604$, $df = 190$, $p < 0,001$). Перебор различных методов разведочного анализа (главных осей, максимального правдоподобия, минимальных остатков)

в сочетании с косоугольным и ортогональным вращением (Varimax и Oblimin) позволил выделить в стимульном материале методики от одного до четырех факторов (при пороговом абсолютном значении факторной нагрузки $\geq 0,4$). По совокупности статистических (доля объяснимой дисперсии, число включенных пунктов со значимыми нагрузками, отсутствие кросс-нагрузок) и психологических (содержательная интерпретируемость на основе теории) признаков оптимальным было признано двухфакторное решение. Оно суммарно объясняет 44,5% дисперсии ответов и интегрирует 16 (75% от исходного массива) пунктов со значимыми факторными нагрузками на один из факторов и без перекрестных нагрузок на другой (табл. 1).

Табл. 1. Результаты эксплораторного факторного анализа (метод экстракции — Principal Axis, метод ротации — Oblimin)

Стимульные суждения	Факторы	
	I	II
8. Наличие детей — обязательное условие жизненного успеха взрослого человека	0,82	-0,07
6. Человек не может достичь полной самореализации без опыта материнства или отцовства	0,81	-0,11
5. Жизнь без детей лишена смысла	0,77	0,01
3. Чтобы стать по-настоящему зрелым, человек должен вырастить ребенка	0,76	-0,04
18. Тот, кто не оставил после себя потомство, прожил свою жизнь зря	0,73	-0,01
15. Только с появлением собственных детей человек становится по-настоящему состоятельным и преуспевающим в жизни	0,73	0,03
20. Отказаться от рождения детей — значит лишить себя жизненной перспективы	0,72	0,04
13. Рождение и воспитание детей — это самая важная жизненная задача взрослого	0,64	0,17
11. Ничто не приносит столько удовольствия и счастья, как материнство или отцовство	0,54	0,25
1. Дети — это главная ценность в жизни взрослого человека	0,50	0,28
16. Во взрослой жизни полно более интересных и значимых дел, чем рождение детей и забота о них (R)	0,06	0,69
7. В жизни есть задачи поважнее, чем рождение и воспитание детей (R)	0,11	0,63
4. У бездетных людей больше возможностей достичь успеха и наслаждаться жизнью, чем у имеющих детей (R)	-0,26	0,56
12. Ради ребенка и родительства не стоит отказываться от профессиональной карьеры (R)	0,00	0,48
14. Даже взрослому человеку не следует торопиться с рождением детей (R)	0,08	0,48
10. Неразумно ставить детей превыше всего остального в своей жизни (R)	0,13	0,45
9. Если бы пришлось выбирать между собственным здоровьем и наличием детей, то я бы, скорее всего, пожертвовал(а) здоровьем	0,38	0,25
19. Отсутствие детей — не помеха для продуктивной и осмысленной жизни (R)	0,36	0,29
17. Радость родительства перевешивает все трудности и ограничения, связанные с наличием детей	0,35	0,21
2. Отсутствие детей не мешает полноценной, насыщенной жизни (R)	0,31	0,37
Собственное значение фактора	6,08	2,81
% объясняемой дисперсии	30,4	14,1

Примечания: нумерация пунктов соответствует пилотажной версии методики; пункты в таблице отсортированы по убыванию факторной нагрузки; полужирным начертанием выделены факторные нагрузки $\geq 0,40$; (R) — обратный (реверсный) пункт методики.

Table 1. Exploratory factor analysis results (extraction method — Principal Axis, rotation method — Oblimin)

Items	Factors	
	I	II
8. Having children is a necessary component of an adult's life success	0.82	-0.07
6. An adult is unable to fully fulfil him- or herself without the experience of parenthood	0.81	-0.11
5. Life without children is meaningless	0.77	0.01
3. To become a really mature person, one needs to raise a child	0.76	-0.04
18. One who did not leave any children after himself (herself), has lived his (her) life in vain	0.73	-0.01
15. Only with having own children, one becomes prospering and flourishing	0.73	0.03
20. To refuse to have children means to deprive oneself of a life perspective	0.72	0.04
13. Bearing and rearing children is the main life task and challenge for an adult	0.64	0.17
11. Nothing brings as much joy and satisfaction as being a parent	0.54	0.25
1. Children are an utmost value for adults	0.50	0.28
16. In adult life, there are plenty more interesting and fulfilling things than bearing and rearing children (R)	0.06	0.69
7. There are life goals of higher significance than childbearing and parenting (R)	0.11	0.63
4. People with no children have higher chances for pleasant and successful life in comparison with parents (R)	-0.26	0.56
12. Children and parenthood are not worth abandoning a carrier (R)	0.00	0.48
14. Even in the mature age one should not hurry to become a parent (R)	0.08	0.48
10. It is not reasonable to place children before any other values and opportunities (R)	0.13	0.45
9. If I had to choose between my own health and having children, I would rather sacrifice my health	0.38	0.25
19. Childlessness is not a barrier for meaningful and fulfilling life (R)	0.36	0.29
17. Joys of being a parent outweigh all difficulties and shortcomings associated with having children	0.35	0.21
2. Childlessness does not harm fulfilled and exciting life (R)	0.31	0.37
	Eigenvalue	6.08
	% variance explained	30.4
		2.81
		14.1

Notes: item numbering corresponds to the pilot version of the questionnaire; the items in the table are ranked by decreasing factor loadings; factor loadings ≥ 0.40 are boldfaced; (R) — reverse items.

Визуальная инспекция факторной структуры приводит к выводу, что раскладка пунктов по факторам имеет под собой скорее формальное, чем содержательное основание. Первый фактор объединяет прямые суждения, тогда как второй — обратные утверждения. Если бы инверсные пункты отражали качественные особенности негативного терминального смысла (антиценности) детей (к примеру, категорическое неприятие деторождения и родительства, детоненавистничество, антигуманные предубеждения в отношении детей и т. п.), то второй фактор можно было бы рассматривать в качестве самостоятельной субшкалы, измеряющей психологический антипод позитивного терминального смысла (ценности) детей. Однако в нашем случае обратные суждения сформулированы как отрицание тех проявлений, которые свойственны ценностному отношению к детям, и по этой

причине могут трактоваться лишь как индикаторы низкого уровня выраженности этого отношения.

Конфирматорному факторному анализу были подвергнуты две альтернативные измерительные модели: 1) однофакторная модель, в которой десять прямых пунктов нагружают единый фактор ценностного отношения к детям; 2) двухфакторная модель, в которой добавляется второй фактор, интегрирующий инверсные пункты. С учетом того, что ликертовская шкала ответов является порядковой, для моделирования внутренней структуры методики использовался метод DWLS (Diagonally Weighted Least Squares) (Li 2016). На основании полученных данных можно заключить, что однофакторная модель измерения ценностного отношения к детям превосходит двухфакторную по всем показателям структурного соответствия (табл. 2).

Табл. 2. Показатели структурного соответствия альтернативных измерительных моделей

Измерительные модели	Критерий хи-квадрат				RMSEA		SRMR	CFI	TLI	NNFI
	χ^2	df	p	CMIN	Point	95 % CI				
1-факторная	159	35	0,001	4,54	0,043	[0,036; 0,050]	0,039	0,995	0,993	0,995
2-факторная	442	89	0,001	4,97	0,046	[0,041; 0,050]	0,046	0,987	0,985	0,985

Примечания: χ^2 — многомерный критерий хи-квадрат Пирсона; df — число степеней свободы; p — уровень статистической значимости; CMIN — отношение χ^2/df ; RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; 95 % CI — границы 95 % доверительного интервала для RMSEA; SRMR — стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI — сравнительный индекс согласия Бентлера; TLI — индекс Такера — Льюиса; NNFI — ненормированный индекс согласия Бентлера — Бонетта.

Table 2. Structural goodness-of-fit indexes for alternative measurement models

Measurement model	Chi-square				RMSEA		SRMR	CFI	TLI	NNFI
	χ^2	df	p	CMIN	Point	95 % CI				
1-factor	159	35	0.001	4.54	0.043	[0.036; 0.050]	0.039	0.995	0.993	0.995
2-factor	442	89	0.001	4.97	0.046	[0.041; 0.050]	0.046	0.987	0.985	0.985

Notes: χ^2 — Pearson's chi-square; df — degrees of freedom; p — significance level; CMIN — χ^2/df ratio; RMSEA — root mean square error of approximation; 95 % CI — 95 % confidential interval bounds; SRMR — standardized root mean square residual; CFI — comparative fit index; TLI — Taker-Louse index; NNFI — non-normed fit index.

Более того, согласно различным психометрическим подходам к оценке дискриминантной валидности, второй фактор по своему конструктивному содержанию не отличается от первого фактора настолько, чтобы считаться независимым измерением ценностного отношения к детям и отдельной субшкалой методики. По критерию Форнелла — Ларкера (Fornell, Larcker 1981), квадратный корень средней извлеченной дисперсии субшкалы (average variance extracted) должен превышать ее корреляцию с конкурентной субшкалой методики, чего не наблюдается в нашем случае ($AVE = 0,32$, $\sqrt[3]{AVE} = 0,56$, в то время как $r = 0,69$). По критерию «гетерочерта — моночерта» («heterotrait — monotrait ratio of correlation») (Henseler et al. 2015) для констатации дискриминантной валидности двух субшкал значение НТМТ должно быть ниже 0,90 (некоторые исследователи в качестве минимально приемлемого порога указывают значение 0,85, а в качестве строгого психометрического стандарта — 0,50 и ниже). В нашем случае второй фактор со значением НТМТ = 0,66 не выдерживает этого требования, что ставит под сомнение его дискриминантную валидность.

В общем, двухфакторная структура пилотажной версии методики репрезентирует скорее смешанный состав и различия во фразировании пунктов, чем латентное строение такой психической реальности, как ценностное от-

ношение к детям. По параметрам структурной и дискриминантной валидности оптимальное психометрическое решение — разработка одномерного опросника, включающего 10 прямых пунктов и измеряющего индивидуальную выраженность ценностного отношения к детям в виде общего (композитного) диагностического показателя. Структурная диаграмма, отражающая состав и структуру опросника, изображена на рисунке 1.

Измерительные свойства пунктов методики

С позиций классической теории теста (СТТ) анализировались следующие психометрические свойства пунктов (табл. 3):

1. Критериальная валидность оценивалась путем сопоставления баллов, начисленных за ответ на пункт, с прямой оценкой субъективной значимости ценностной категории «Дети» (по шкале от 0 до 3 баллов), полученной при работе испытуемого с методикой «Смысловый анализ ребенка» (Карпинский 2023). Показателем критериальной валидности пункта выступало значение коэффициента корреляции Пирсона.

2. В отношении дискриминативности показателем служило значение коэффициента корреляции «пункт — шкала», где шкала была представлена линейной суммой баллов по остальным

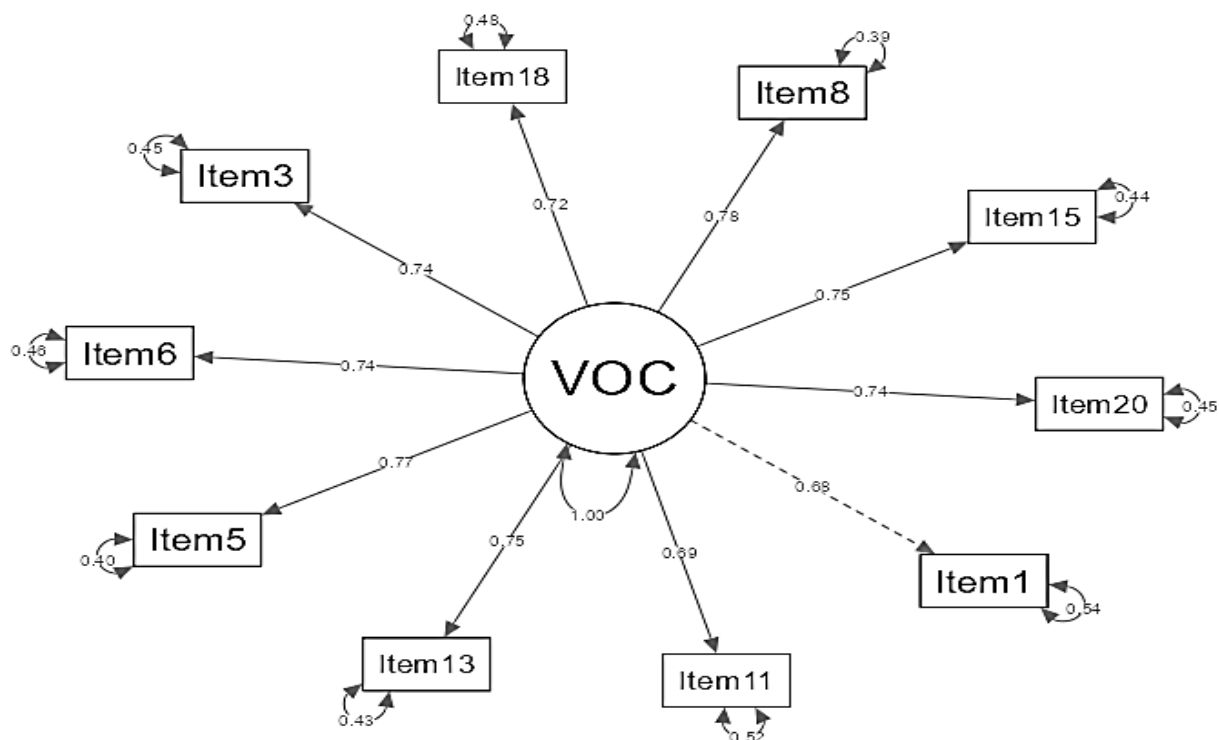

Рис. 1. Измерительная модель ценностного отношения к детям

Примечание: VOC (value of children) — ценностное отношение к детям; Item 1...20 — пункт № 1...20; нумерация пунктов соответствует пилотажной версии методики; в качестве показателей структурных путей «шкала → пункт» приведены стандартизированные регрессионные коэффициенты (β)

Fig. 1. The measurement model of value attitude towards children

Note: VOC (value of children) — value attitude towards children; item numbering corresponds to the pilot version of the instrument; standardized regression coefficients (β) are given as indicators of structural pathways 'scale → item'

9 пунктам. Нижнее пороговое значение коэффициента дискриминативности обычно устанавливается на уровне 0,20, но мы ориентировались на более высокий психометрический стандарт — 0,60.

3. Трудность оценивалась на основании выборочных частот встречаемости различных вариантов ответа на пункт. Для этого шестизрядная шкала ответов была искусственно дихотомизирована до двух категорий: несогласие (варианты ответа «совершенно неверно», «неверно», «скорее неверно») и согласие (варианты ответа «скорее верно», «верно», «совершенно верно»). Оптимальным по трудности признавался пункт, для которого соотношение выборочных частот ответов, выражающих несогласие и согласие, приближалось к 50%. Приемлемыми по трудности считались пункты, для которых выборочная доля «ключевых» (выражающих согласие) ответов попадала в диапазон от 20 до 80% (значение индекса трудности [0,2; 0,8]).

Десять пунктов, отобранных в ходе моделирования внутренней структуры опросника,

оказались эффективными по комплексу измерительных свойств. Данный набор также отличается оптимальной содержательной однородностью-разнородностью, о чем свидетельствует коэффициент психометрической консистентности (средняя интеркорреляция пунктов $r = 0,55$). Это значит, что они высвечивают качественно различные, но при этом тесно взаимосвязанные проявления ценностного отношения к детям.

Вторым этапом психометрической оценки пунктов стал IRT-анализ. Из множества моделей, предназначенных для калибровки методик с политомическими шкалами ответов, в качестве конкурирующих альтернатив рассматривались модель рейтинговой шкалы (Rating Scale Model) и модель частичных кредитов (Partial Credits Model). Эмпирическое сравнение качества подгонки данных к альтернативным IRT-моделям показывает, что модель частичных кредитов более предпочтительна для калибровки отдельных пунктов и всей шкалы (табл. 4).

Табл. 3. Психометрические свойства пунктов методики в контексте СТТ

Номер пункта	Измерительные свойства		
	Критериальная валидность	Дискриминативность	Трудность
1	0,52	0,68	0,80
2	0,30	0,66	0,58
3	0,35	0,71	0,51
4	0,29	0,65	0,46
5	0,32	0,70	0,50
6	0,48	0,69	0,73
7	0,44	0,72	0,65
8	0,31	0,69	0,52
9	0,29	0,65	0,47
10	0,33	0,69	0,44

Примечание: нумерация пунктов соответствует окончательной версии методики (см. в приложении к статье)

Table 3. Items psychometric properties within the CTT approach

Item No	Psychometric properties		
	Criteria validity	Item-total correlation	Difficulty
1	0.52	0.68	0.80
2	0.30	0.66	0.58
3	0.35	0.71	0.51
4	0.29	0.65	0.46
5	0.32	0.70	0.50
6	0.48	0.69	0.73
7	0.44	0.72	0.65
8	0.31	0.69	0.52
9	0.29	0.65	0.47
10	0.33	0.69	0.44

Note: items numbering corresponds to the final version of the questionnaire (see the appendix to the article)

Табл. 4. Показатели соответствия эмпирических данных IRT-моделям

Модель	Log-likelihood	G ²	AIC	BIC	CAIC	Likelihood ratio test
PCM	-27931	55862	55972	56278	56333	$\chi^2 = 312, df = 39,$ $p < 0,001$
RSM	-28087	56174	56206	56295	56311	

Примечания: Log-likelihood — логарифмическая функция правдоподобия, G² — показатель отклонения данных от модели, AIC — информационный критерий Акаике, BIC — байесовский информационный критерий, Likelihood ratio test — тест сравнительного соответствия альтернативных моделей.

Table 4. Polytomous IRT models fit statistics

Model	Log-likelihood	G ²	AIC	BIC	CAIC	Likelihood ratio test
PCM	-27931	55862	55972	56278	56333	$\chi^2 = 312, df = 39,$ $p < 0.001$
RSM	-28087	56174	56206	56295	56311	

Notes: Log-likelihood — logarithmic likelihood function, G² — indicator of data deviation from the model, AIC — Akaike information criterion, BIC — Bayesian information criterion, Likelihood ratio test — test of comparative conformity of alternative models.

В процессе калибровки пунктов методики в модели РСМ определялись следующие психометрические свойства (табл. 5).

1. Конструктивная валидность выражена в показателях WMS (Infit) и UMS (Outfit). Диагностически ценными признаются пункты с индексами конструктивной валидности в диапазоне [0,50; 1,50], однако наиболее эффективными считаются пункты, локализующиеся в интервале от 0,8 до 1,2.

2. Дифференциальное функционирование (DIF-эффект) проявляется в том, что пункт

предоставляет неравные шансы получения определенных категорий ответа от испытуемых, принадлежащих к разным группам. DIF-эффектом обременены пункты, которые параллельно с целевым конструктом измеряют какие-либо побочные конструкты, в силу чего данный эффект можно рассматривать как изъян конструктивной валидности пункта. В нашем случае размер DIF-эффекта пунктов изучался в группах людей с разным родительским статусом. При этом не имеющие детей испытуемые трактовались как фокальная группа, а воспитывающие детей —

Табл. 5. Психометрические свойства пунктов методики в контексте IRT

Номер пункта	Измерительные свойства										
	Валидность		Общая и пороговая трудность						DIF-эффект		
	WMS	UMS	b	b ₁	b ₂	b ₃	b ₄	b ₅	CMH χ^2	E. S.	ETS
1	1,12	1,13	-0,86	-1,62	-0,75	-0,33	1,03	1,68	2,63	-0,14	AA
2	1,02	1,09	0,04	-1,56	-0,64	0,03	0,53	1,65	6,93	0,24	AA
3	0,91	0,91	0,17	-1,43	-0,89	0,31	0,64	1,36	1,65	-0,10	AA
4	1,02	1,04	0,37	-1,73	-0,84	0,31	0,52	1,74	0,17	0,04	AA
5	0,86	0,88	0,28	-1,95	-0,89	0,12	0,72	2,00	7,16	0,20	AA
6	1,10	1,13	-0,57	-1,71	-0,92	-0,16	1,00	1,79	19,2	-0,40	BB-
7	0,93	0,93	-0,37	-2,31	-0,97	0,10	1,04	2,14	0,04	0,03	AA
8	0,96	0,97	0,14	-2,20	-0,96	0,22	0,81	2,14	7,62	0,22	AA
9	1,10	1,10	0,39	-1,45	-0,76	0,23	0,51	1,47	0,43	-0,06	AA
10	1,00	1,03	0,42	-1,83	-0,82	0,28	0,66	1,71	0,05	-0,03	AA

Примечания: нумерация пунктов соответствует окончательной версии методики (см. в приложении к статье); **b** — общий индекс трудности пункта; **b₁₋₅** — индексы пороговой трудности для различных категорий шкалы ответов; CMH χ^2 — значение статистики Кохрана — Мантеля — Хензеля; E. S. — размер эффекта; ETS — класс пункта по признаку выраженности размера эффекта дифференциального функционирования.

Table 5. Items' psychometric properties within the IRT approach

Item No	Psychometric properties										
	Validity		Difficulty and threshold parameters						Differential functioning		
	WMS	UMS	b	b ₁	b ₂	b ₃	b ₄	b ₅	CMH χ^2	E. S.	ETS
1	1.12	1.13	-0.86	-1.62	-0.75	-0.33	1.03	1.68	2.63	-0.14	AA
2	1.02	1.09	0.04	-1.56	-0.64	0.03	0.53	1.65	6.93	0.24	AA
3	0.91	0.91	0.17	-1.43	-0.89	0.31	0.64	1.36	1.65	-0.10	AA
4	1.02	1.04	0.37	-1.73	-0.84	0.31	0.52	1.74	0.17	0.04	AA
5	0.86	0.88	0.28	-1.95	-0.89	0.12	0.72	2.00	7.16	0.20	AA
6	1.10	1.13	-0.57	-1.71	-0.92	-0.16	1.00	1.79	19.2	-0.40	BB-
7	0.93	0.93	-0.37	-2.31	-0.97	0.10	1.04	2.14	0.04	0.03	AA
8	0.96	0.97	0.14	-2.20	-0.96	0.22	0.81	2.14	7.62	0.22	AA
9	1.10	1.10	0.39	-1.45	-0.76	0.23	0.51	1.47	0.43	-0.06	AA
10	1.00	1.03	0.42	-1.83	-0.82	0.28	0.66	1.71	0.05	-0.03	AA

Notes: the numbering of items corresponds to the final version of the methodology (see the appendix to the article); **b** — the general index of difficulty of the item; **b₁₋₅** — threshold difficulty indices for various categories of the response scale; CMH χ^2 — the value of the Cochran-Mantel-Hensel statistics; E. S. — the size of the effect; ETS — the class of the item based on the severity of the size of the effect of differential functioning.

как референтная группа. Использовался метод Кохрана — Мантеля — Хензеля (СМН) с расчетом размера эффекта (E. S.) и последующей классификацией пунктов по правилам ETS («АА» — относительно свободные от DIF-эффекта; «ВВ» — подозрительные; «СС» — отягощенные DIF-эффектом).

3. Трудность пункта (b-параметр) с позиций IRT-подхода отражает количественную выраженность ценностного отношения к детям, при которой соотношение шансов несогласия/согласия испытуемого со стимульным суждением составляет 50/50. Преимуществом модели РСМ выступает возможность расчета не только общего, но и парциальных уровней трудности пункта (пороговых статистик) для каждой градации шкалы ответов. С учетом шестиразрядной шкалы ответов в нашем случае для каждого пункта вычислялись пять порогов трудности: от b_1 (значение индивидуальной выраженности ценности детей, при которой шансы выбора ответа «1 — совершенно неверно» в соотношении с шансами выбора остальных пяти категорий ответа составляют 50/50) до b_5 (значение индивидуальной выраженности ценности детей, при которой шансы выбора ответа «6 — совершенно верно» в соотношении с шансами выбора остальных пяти категорий ответа составляют 50/50).

На основании расчетов можно констатировать, что все десять пунктов методики обладают отличной конструктивной валидностью в рамках модели РСМ. В своем большинстве они лишены DIF-эффекта и классифицированы как «АА» при тестировании испытуемых с разным родительским статусом. Умеренный размер DIF-эффекта выявлен лишь для пункта № 6 «Ничто не приносит столько удовольствия и счастья, как материнство или отцовство», который был классифицирован как «ВВ». Это означает, что стимульное суждение несколько фаворизирует — дает более высокие шансы на согласие и получение более высоких баллов — референтную группу, т. е. людей с реальным опытом рождения и воспитания детей. Бездетные испытуемые, за неимением такого опыта, менее склонны соглашаться с данным утверждением. По параметру общей трудности пункты методики характеризуются достаточно широким разбросом — от $-0,86$ до $0,42$ логитов. При анализе пороговых параметров обращает на себя внимание отсутствие «реверсий» — нарушений возрастающего порядка значений коэффициента трудности b , соответствующих последовательности категорий шкалы ответов ($b_1 < b_2 < b_3 < b_4 < b_5$). Это означает, что для выбора каждой последующей категории ответа на пункт

методики от испытуемого требуется более высокая выраженность ценностного отношения к детям. Судя по размаху пороговой статистики, наивысшая диагностическая эффективность методики достигается в пределах от $-2,31$ до $2,14$ логитов, т. е. простирается на континуум индивидуальных различий ценностного отношения к детям от низкого до высокого уровней.

Надежность методики

Анализ точности и устойчивости измерений производился в аспекте синхронной (консистентной) и диахронной (ретестовой) надежности. Значения коэффициентов синхронной надежности удостоверяют высокую измерительную точность методики: α -Кронбаха = $0,922$, ω -МакДональда = $0,923$. Высокая степень постоянства ценностного отношения к детям (как индивидуально-психологического свойства личностно-смысловой природы) дает возможность оценки диахронной надежности создаваемой методики. По итогам двукратного тестирования 96 испытуемых в интервале от трех до шести недель значение коэффициента ретестовой надежности для отдельных пунктов составило $r_{tt} = 0,81-0,97$ ($M = 0,90$, $SD = 0,04$), а для композитного показателя — $r_{tt} = 0,93$.

В методологии IRT диагностическая надежность и эффективность методики оценивалась по таким показателям, как индекс сепарации (отражает способность методики дифференцировать испытуемых по уровню выраженности ценностного отношения к детям, нормативное пороговое значение $\geq 2,0$); индекс количества слоев (отражает способность методики стратифицировать испытуемых по определенному числу статистически значимых уровней выраженности ценностного отношения к детям, нормативное пороговое значение $\geq 2,0$); индекс надежности (отражает способность методики точно диагностировать ценностное отношения к детям на всех уровнях выраженности данной латентной черты, нормативное пороговое значение $\geq 0,80$). Для разрабатываемой шкалы значения данных статистик составили $3,29$, $4,72$ и $0,92$ соответственно, что указывает на высокую различительную силу и точность измерений. Методика позволяет различать от 3 до 5 статистически значимых уровней выраженности ценностного отношения к детям.

На рисунке 2 изображена карта таргетирования пунктов в соотношении с частотным выборочным распределением испытуемых по выраженности ценностного отношения к детям (слева), а также информационная кривая (справа), отражающая область наибольшей диагно-

стической эффективности методики (TIF) и наименьшей стандартной ошибки измерения (TSE). Следует обратить внимание, что по параметру трудности пункты опросника (с учетом значений порогов) охватывают диапазон выраженности ценностного отношения к детям от $-3,56$ (нижняя категория ответа пункта 1) до $2,89$ (верхняя категория пункта 5) логитов, в котором сосредоточена наибольшая часть испытуемых в обследованной выборке. В этом диапазоне методика достигает максимума информативности и минимума погрешности измерений. В регионах крайне низкой и крайне высокой выраженности ценностного отношения к детям диагностические возможности опросника снижаются, но и выборочная частота встречаемости испытуемых с резко акцентуированным ценностным отношением к детям крайне мала. В выборке

из 1920 человек лишь у 8 испытуемых (0,42%) зафиксирован экстремально низкий уровень ($-5,42$ логита) и только у 28 испытуемых (1,46%) — экстремально высокий уровень ($5,35$ логита) ценностного отношения к детям. С учетом относительно высокой ошибки измерения диагностические показатели методики для этого узкого круга испытуемых должны интерпретироваться с осторожностью.

Критериальная и конструктивная валидность методики

Критерием для валидации методики выступали результаты прямого оценивания субъективной значимости категории «Дети», полученные при выполнении испытуемыми смыслометрического анализа (Карпинский 2023). Эта оценка, по условиям смыслометрии,

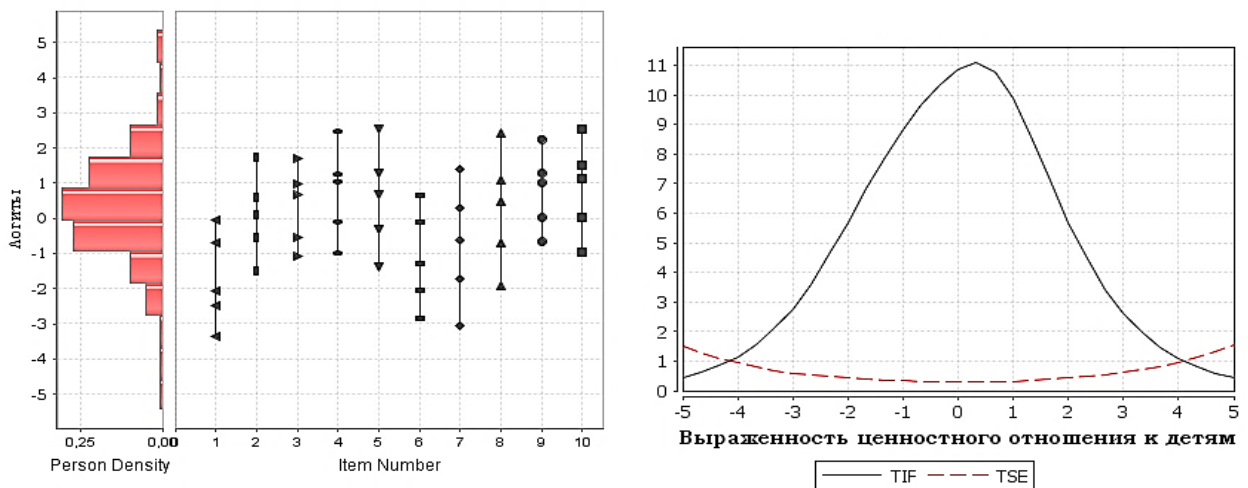

Рис. 2. Карта таргетирования пунктов и информационная кривая методики

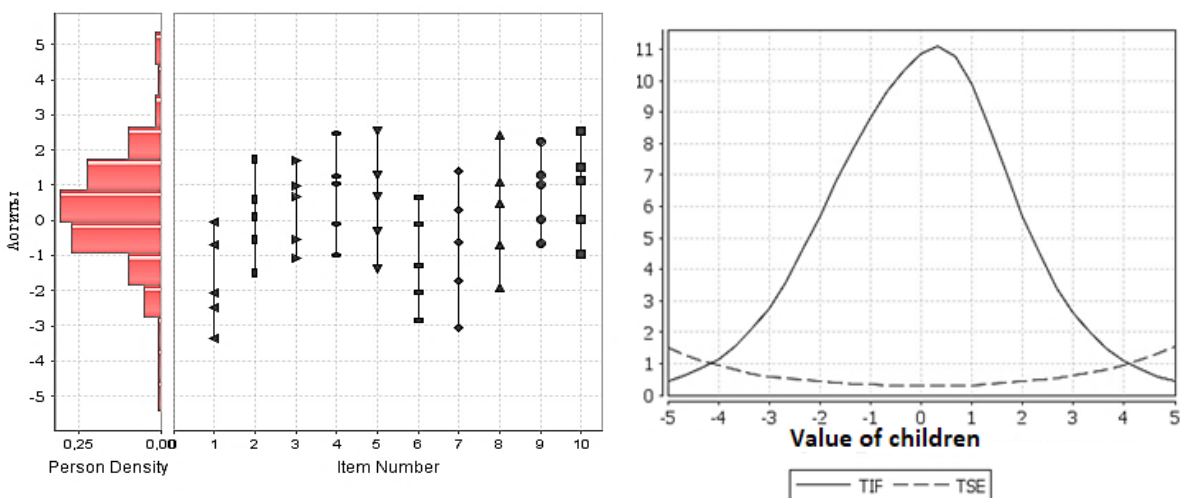

Fig. 2. The item targeting map and the information curve of the instrument

производилась в виде баллированного ответа на вопрос: «В какой степени данная ценность важна для Вас?» с вариантами ответа: «0 — не имеет значения в моей жизни», «1 — имеет малое значение в моей жизни», «2 — имеет среднее значение в моей жизни», «3 — имеет большое значение в моей жизни». Корреляция диагностического показателя «Шкалы ценностного отношения к детям» с критерием позволяет констатировать критериальную валидность методики ($r = 0,47$, $N = 1041$, $p < 0,000$).

Конструктивная валидность проверялась в аспекте способности методики дифференцировать межгрупповые (половые, возрастные, статусные) различия (так называемая «known-groups validity»), а также конвергентной и дискриминантной валидности. При оценке валидности по групповой дифференциации установлено, что:

- половые (гендерные) различия в ценностном отношении к детям отсутствуют ($t(1918) = 0,07$, $p = 0,94$);
- ценностное отношение к детям положительно коррелирует с возрастом ($r = 0,21$, $p = 0,000$) и стажем родительства ($r = 0,21$, $p = 0,000$). При ближайшем рассмотрении выясняется, что связь стажа родительства с ценностью детей опосредуется возрастом как переменной-медиатором (их частная корреляция при статистическом контроле переменной «возраст» снижается до $r = -0,05$);
- положительным коррелятом ценностного отношения к детям является религиозность, определяемая на основе прямого

баллированного самоотчета испытуемого ($r = 0,33$, $p = 0,000$);

- семейные люди ($M = 28,21$, $SD = 11,28$) превосходят холостых ($M = 21,61$, $SD = 11,48$) по уровню ценностного отношения к детям ($t(1677) = 7,17$, $p = 0,000$, $d = 58$);
- бездетные люди ($M = 20,63$, $SD = 11,57$) достоверно уступают малолетним ($M = 27,38$, $SD = 11,14$), а те, в свою очередь, — многодетным ($M = 31,54$, $SD = 10,66$) по степени сформированности ценностного отношения к детям ($F(2,1917) = 45,51$, $p < 0,000$, $d = 0,98$).

Конвергентная и дискриминантная валидность определялась путем выявления наличия, силы и направленности корреляционных связей между диагностическим показателем методики и индивидуально-психологическими особенностями испытуемых как субъектов репродукции, родительства и профессионального педагогического труда (Карпинский 2023; 2024a; 2024b; Салмина и др. 2024). Все эти особенности функционируют в качестве психических регуляторов различных видов поведения и деятельности взрослого, объектом которых выступают дети, и в этой связи могут считаться валидизирующими переменными для диагностического показателя создаваемой методики. Выявленные паттерны корреляций доказывают конструктивную валидность и убеждают в том, что ценностное отношение к детям действительно образует скрытый диагностический конструкт методики (табл. 6).

Табл. 6. Результаты проверки конвергентной и дискриминантной валидности методики

Критериальная методика	Валидизирующая переменная	Корреляция
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА РЕПРОДУКЦИИ		
Репродуктивные установки, или субъективные нормы детности (reproductive attitudes)		
Планируемое число детей, $N = 3\ 312$		0,28***
Желаемое число детей, $N = 3\ 312$		0,29***
Идеальное число детей, $N = 3\ 312$		0,22***
Репродуктивный успех (reproductive success)		
Объективный репродуктивный успех (фактическое число детей), $N = 3\ 312$		0,39***
Субъективный репродуктивный успех (удовлетворенность рожденным числом детей)		0,02
Субъективное репродуктивное расписание (timing of parenthood)		
Оптимальный возраст рождения первого ребенка, $N = 3\ 312$		-0,18***
Оптимальный возраст рождения последнего ребенка, $N = 3\ 312$		0,04
Оптимальный интервал между рождением 1-го и 2-го ребенка, $N = 3\ 312$		-0,16***
Субъективная оценка репродуктивно значимых условий		
Оценка благоприятности природно-географических условий для деторождения		0,23***
Оценка благоприятности социально-экономических условий для деторождения		0,17***
Оценка благоприятности материальных и жилищно-бытовых условий для деторождения		0,05

Табл. 6. Продолжение

Критериальная методика	Валидизирующая переменная	Корреляция
Оценка благоприятности нематериальных условий для деторождения		0,15***
Общая оценка благоприятности жизненной ситуации для деторождения, N = 3 312		0,17***
Совладающее поведение в ситуации бесплодия (coping with infertility)		
Шкала совладания с бесплодием К. В. Карпинского, А. В. Салминой и С. А. Бойко, N = 165	Ассимилятивный копинг	0,55***
	Смыслжизненный кризис	0,62***
	Аккомодативный копинг	-0,47***
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА РОДИТЕЛЬСТВА		
Родительские установки (parental attitudes)		
Тест-опросник родительского отношения (ОРО) А. Я. Варга и В. В. Столина, N = 342	Принятие — отвержение	0,08
	Кооперация	0,06
	Симбиоз	0,25***
	Авторитарная гиперсоциализация	0,40***
	Инфантилизация	0,20***
Опросник установок на интенсивное родительство (ИРАК) в адаптации Ю. В. Мисиюк, А. И. Прихидько, П. С. Рогачевой, N = 204	Эссенциализм	0,30***
	Удовлетворенность	0,56***
	Стимуляция	0,49***
	Трудности	0,59***
	Детоцентризм	0,42***
Гедонистическое и эвдемоническое родительское благополучие (parental well-being) на доменном и глобальном уровнях		
Родительская удовлетворенность (детьми), N = 903		0,30***
Шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА) (с контекстуализацией для домена родительства), N = 903	Позитивный родительский аффект	0,31***
	Негативный родительский аффект	-0,20***
Шкала родительского стресса (PSS) в адаптации Ю. В. Мисиюк и И. В. Тихоновой, N = 172	Родительские стрессоры	0,00
	Родительское вознаграждение	-0,34***
	Потеря контроля	-0,06
	Неудовлетворенность	-0,13
	Общий родительский стресс	0,00
Опросник родительского выгорания И. Н. Ефимовой, N = 90	Эмоциональное истощение	-0,44***
	Деперсонализация	-0,07
	Редукция родительских достижений	0,16
Родительское самоотношение, N = 142		0,32***
Родительская интернальность, N = 142		0,28***
Опросник переживаний в деятельности (ОПД) Д. А. Леонтьева (с контекстуализацией для домена родительства), N = 450	Переживание удовольствия	0,33***
	Переживание смысла	0,28***
	Переживание усилия	-0,08
	Переживание пустоты	-0,21**
Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (SWLS) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, N = 903		0,47***
Шкала субъективного счастья С. Любомирски (SHS) в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, N = 903		0,37***
Опросник смысложизненного кризиса (СЖК-К) К. В. Карпинского, N = 101	Десубъектизация	-0,28***
	Дезинтеграция	-0,30***
	Смысловая дисрегуляция	-0,45***
	Смыслжизненный кризис	-0,43***
Родительское восприятие и понимание личности ребенка (parental perception)		
Личностный семантический дифференциал на основе пятифакторной модели личности и Опросника национального характера (NCS) в адаптации Б. Г. Мещерякова и Ю. Аллика, N = 192	Нейротизм (N)	-0,06
	Экстраверсия (E)	0,05
	Открытость опыту (O)	0,18**
	Доброжелательность (A)	0,27***
	Добросовестность (C)	0,29***

Табл. 6. Продолжение

Критериальная методика	Валидирующая переменная	Корреляция
Родительское поведение (parental behavior)		
Алабамский опросник методов воспитания (APQ-BF) в адаптации С. В. Логиновой, Е. Р. Слободской, Н. А. Федоровой, Е. А. Козловой, N = 250	Позитивное воспитание	0,29***
	Вовлеченность	0,02
	Телесные наказания	-0,03
	Недостаточный присмотр	-0,12
	Непоследовательная дисциплина	-0,07
Анализ семейных взаимоотношений (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса, N = 210	Гиперпротекция	0,57***
	Гипопротекция	-0,07
	Потворствование	0,31***
	Игнорирование потребностей	-0,02
	Чрезмерность требований	0,23***
	Недостаточность требований	-0,01
	Чрезмерность запретов	0,04
	Недостаточность запретов	0,02
	Чрезмерность санкций	0,25***
	Минимальность санкций	0,08
	Неустойчивость стиля воспитания	0,21**
	Предпочтение детских качеств	0,24***
	Воспитательная неуверенность родителя	0,14*
	Фобия утраты ребенка	0,13*
	Неразвитость родительских чувств	0,09
	Проекция на ребенка нежелательных качеств	0,03
	Вынесение конфликта в сферу воспитания	0,12
Предпочтение женских качеств	0,23**	
Предпочтение мужских качеств	0,19**	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО КАК СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
Опросник профессиональной мотивации Е. Н. Осина и соавторов, N = 240	Внутренняя мотивация	0,26***
	Интегрированная мотивация	0,25***
	Идентифицированная мотивация	0,11
	Интроецированная мотивация	0,06
	Экстернальная мотивация	0,02
	Амотивация	-0,09
	Автономная мотивация	0,24***
	Контролируемая мотивация	-0,01
	Индекс относительной автономии	0,19**
Опросник «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, N = 240	Переживание удовольствия	0,31***
	Переживание смысла	0,23***
	Переживание усилия	-0,26***
	Переживание пустоты	-0,29***
Утрехтская шкала увлеченности работой (UWES) В. Шауфели в адаптации Д. А. Кутузовой, N = 240	Энергичность	0,30***
	Энтузиазм	0,18**
	Поглощенность деятельностью	0,22***
Шкала удовлетворенности карьерой К. В. Карпинского и Т. В. Гижук, N = 240		0,39***
<i>Примечания:</i> * p ≤ 0,05, ** p ≤ 0,01, *** p ≤ 0,001.		

Table 6. Convergent and discriminant validity

Criterion scale	Validating variable	Correlation
INDIVIDUAL DIFFERENCES IN REPRODUCTION DOMAIN		
Reproductive attitudes		
Planned number of children, N = 3 312		0.28***
Desired number of children, N = 3 312		0.29***
Ideal number of children, N = 3 312		0.22***
Reproductive success		
Extrinsic reproductive success (actual number of children), N = 3 312		0.39***
Intrinsic reproductive success (reproductive satisfaction)		0.02
Timing of parenthood		
Optimal term for bearing first child, N = 3 312		-0.18***
Optimal term for bearing last child, N = 3 312		0.04
Optimal interval between bearing first and second child, N = 3 312		-0.16***
Evaluation of conditions for reproduction		
Natural environment, ecology and geographical location		0.23***
Social and economic conditions		0.17***
Living conditions and household income		
Interpersonal relations with spouse (partner)		0.15***
Total living circumstances evaluation, N = 3 312		0.17***
Coping with infertility		
Coping with Infertility Scale, N = 165	Assimilative strategy	0.55***
	Meaning-of-life crisis	0.62***
	Accommodative strategy	-0.47***
INDIVIDUAL DIFFERENCES IN PARENTHOOD DOMAIN		
Parental attitudes		
Test of Parental Attitude, N = 342	Acceptation-rejection	0.08
	Cooperation	0.06
	Symbiosis	0.25***
	Authoritarian hyper-socialization	0.40***
	Infantilization	0.20***
Intensive Parenting Attitudes Questionnaire, N = 204	Essentialism	0.30***
	Satisfaction	0.56***
	Stimulation	0.49***
	Difficulties	0.59***
	Child-Centrism	0.42***
Hedonic and eudaimonic parental and global well-being		
Parental satisfaction and pride (with children), N = 903		0.30***
Positive Affect and Negative Affect Scale (contextualized), N = 903	Positive parental affect	0.31***
	Negative parental affect	-0.20***
Parental Stress Scale, N = 172	Parental stressors	0.00
	Parental gains	-0.34***
	Loss of control	-0.06
	Dissatisfaction	-0.13
	Total parental stress	0.00
Parental Burnout Scale, N = 90	Emotional exhaustion	-0.44***
	Depersonalization	-0.07
	Reduction of parental achievements	0.16
Parental self-esteem, N = 142		0.32***
Parental internal LOC, N = 142		0.28***

Table 6. Completion

Criterion scale	Validating variable	Correlation
Experiences in Activity Questionnaire (contextualized), N = 450	Pleasure	0.33***
	Meaning	0.28***
	Effort	-0.08
	Emptiness	-0.21**
Satisfaction with Life Scale, N = 903		0.47***
Subjective Happiness Scale, N = 903		0.37***
Meaning-of-Life Crisis Questionnaire, N = 101	Sense of agency loss	-0.28***
	Disintegration	-0.30***
	Dysregulation	-0.45***
	Overall crisis	-0.43***
Parental social perception		
Semantic differential based upon Five-Factor Personality Model and National Character Stereotypes Scale, N = 192	Neuroticism (N)	-0.06
	Extraversion (E)	0.05
	Openness to experience (O)	0.18**
	Agreeableness (A)	0.27***
	Conscientiousness (C)	0.29***
Parental behavior		
Alabama Parenting Questionnaire (APO-BF), N = 250	Positive involvement with children	0.29***
	Supervision and monitoring	0.02
	Use of corporal punishments	-0.03
	Lack of control	-0.12
	Inconsistent discipline	-0.07
Family Relations Analysis, N = 210	Hyperprotection	0.57***
	Hypoprotection	-0.07
	Need satisfying	0.31***
	Need ignorance	-0.02
	Overwhelming demands	0.23***
	Insufficient demands	-0.01
	Overwhelming restrictions	0.04
	Insufficient restrictions	0.02
	Overwhelming sanctions	0.25***
	Insufficient sanctions	0.08
	Inconsistency of parenting style	0.21**
	Infantile traits preference	0.24***
	Parental non-confidence	0.14*
	Child loss phobia	0.13*
	Lack of parental warmth	0.09
	Undesirable traits projection	0.03
	Spousal conflict irradiation	0.12
Femininity preference	0.23**	
Masculinity preference	0.19**	
INDIVIDUAL DIFFERENCES IN PEDONOMIC OCCUPATION AND CAREER DOMAIN		
Vocational Motivation Questionnaire, N = 240	Internal motivation	0.26***
	Integrated motivation	0.25***
	Identified motivation	0.11
	Introjected motivation	0.06
	External motivation	0.02
	Amotivation	-0.09
	Autonomous motivation	0.24***
	Controlled motivation	-0.01
Relative autonomy index	0.19**	

Table 6. Completion

Criterion scale	Validating variable	Correlation
Experiences in Vocational Activity Questionnaire, N = 240	Pleasure	0.31***
	Meaning	0.23***
	Effort	-0.26***
	Emptiness	-0.29***
Utrecht Work Engagement Scale, N = 240	Vigor	0.30***
	Dedication	0.18**
	Exhaustion	0.22***
Satisfaction with Career Scale, N = 240		0.39***

Notes: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Стандартизация и диагностические нормы

Окончательная версия методики содержит 10 прямых пунктов. Начисление баллов за стандартные варианты ответа производится следующим образом: «совершенно неверно» — 0 баллов, «неверно» — 1 балл, «скорее неверно» — 2 балла, «скорее верно» — 3 балла, «верно» — 4 балла, «совершенно верно» — 5 баллов. Индивидуальный диагностический показатель рассчитывается путем суммирования баллов по всем пунктам и может варьировать от 0 до 50 баллов. Эмпирическое распределение диагностических результатов в выборке стандартизации методики (N = 1920) носит нормальный характер. Оно описывается параметрами, представленными в таблице 7. Средний уровень выраженности ценностного отношения к детям ограничивается интервалом 16–39, низкий уровень — 0–15, высокий — 40–50 «сырых» баллов. Стандартная ошибка измерения для 95% доверительного интервала, вычисленная на основании коэффициента консистентной надежности, равняется 3 баллам.

Заключение

Итогом проведенного психометрического исследования стала оригинальная методика диагностики ценностного отношения к детям. По формату она является одномерным стандартизированным опросником и обладает надлежащими измерительными свойствами. Перспективы ее дальнейшей психометрической проработки видятся в оценке влияния фактора социальной желательности на диагностический результат. Такая необходимость связана с тем, что в Беларуси, России и ряде других государств активно проводится демографическая политика пронатализма, в свете которой рождение и воспитание детей считается социально одобряемым жизненным выбором. В условиях социального давления пронатальных норм, ожиданий и идеалов методики психодиагностики личностного смысла ребенка должны обладать способностью к распознаванию истинной (реально действующей) и декларируемой (знаемой) ценности детей для испытуемого.

Табл. 7. Описательные статистики распределения диагностических результатов в выборке стандартизации

Показатель опросника	M	σ	Me	Mo	Ac/SE	Экс/SE
Ценностное отношение к детям	27,54	11,36	28	27	-0,18 / 0,05	-0,58 / 0,11

Примечания: M — среднее арифметическое; σ — стандартное отклонение; Me — медиана; Mo — мода; Ac — асимметрия; Экс — эксцесс; SE — стандартная ошибка.

Table 7. Descriptive statistics of the Value of Children Scale in standardization sample

Scale results	M	σ	Me	Mo	Sk/SE	Ku/SE
The Value-of-Children level	27.54	11.36	28	27	-0.18 / 0.05	-0.58 / 0.11

Notes: M — mean; σ — standard deviation; Me — median; Mo — mode; Sk — skewness; Ku — kurtosis; SE — standard error.

Приложение

Шкала ценностного отношения к детям

Инструкция: Ниже приведен ряд суждений, касающихся места и роли ребенка (детей) в жизни взрослого человека. Необходимо оценить, в какой степени каждое из этих суждений соответствует Вашему личному опыту и представлениям. Степень своего согласия либо несогласия с каждым утверждением следует выразить с помощью одного из предложенных вариантов ответа:

1	2	3	4	5	6
совершенно неверно	неверно	скорее неверно	скорее верно	верно	совершенно верно

1. Дети — это главная ценность в жизни взрослого человека	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
2. Чтобы стать по-настоящему зрелым, человек должен вырастить ребенка	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
3. Жизнь без детей лишена смысла	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
4. Человек не может достичь полной самореализации без опыта материнства или отцовства	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
5. Наличие детей — обязательное условие жизненного успеха для взрослого человека	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
6. Ничто не приносит столько удовольствия и счастья, как материнство или отцовство	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
7. Рождение и воспитание детей — это самая важная жизненная задача взрослого	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
8. Только с появлением собственных детей человек становится по-настоящему состоятельным и преуспевающим в жизни	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
9. Тот, кто не оставил после себя потомство, прожил свою жизнь зря	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6
10. Отказаться от рождения детей — значит лишить себя жизненной перспективы	1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6

Дешифратор: все пункты являются прямыми; конвертация номера ответа в количество баллов производится по схеме: ответ «1 — совершенно неверно» = 0 баллов ... ответ «6 — совершенно верно» = 5 баллов; индивидуальный показатель ценностного отношения к детям подсчитывается в виде суммы баллов по пунктам № 1–10.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author declares that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Литература

- Асмолов, А. Г., Братусь, Б. С., Зейгарник, Б. В. и др. (1979) О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности. *Вопросы психологии*, № 3, с. 35–45. EDN: [IHSKSF](#)
- Бесчасная, А. А. (2018) Наблюдая грядущее: образы современного детства в прогнозировании будущего. *Ценности и смыслы*, № 3 (55), с. 65–78. EDN: [XUAUDJ](#)
- Братусь, Б. С. (1988) *Аномалии личности*. М.: Мысль, 304 с.
- Вилюнас, В. К. (1990) *Психологические механизмы мотивации человека*. М.: Изд-во МГУ, 288 с.
- Ильшев, А. М., Багирова, А. П. (2021) *Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека*. М.: Финансы и статистика, 304 с.
- Капица, С. П. (2010) *Парадоксы роста. Законы глобального развития человечества*. М.: Альпина Нон-фикшн, 192 с.

- Карпинский, К. В. (2019) Мотивационно-смысловая регуляция репродуктивного поведения человека: культурно-исторические трансформации и метаморфозы. *Social Studies: Theory and Practice*, vol. 7, no. 2, pp. 59–81. <https://doi.org/10.34858/sstp.2.2019.005>
- Карпинский, К. В. (2021) *Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, 220 с.
- Карпинский, К. В. (2022a) Личностный смысл ребенка в регуляции детско-родительских отношений. В кн.: Н. Л. Карпова, Е. А. Петрова, О. В. Зотова (ред.). *Общение в эпоху конвергенции технологий*. М.: Изд-во Психологического института Российской академии образования, с. 208–211. <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-208-211>
- Карпинский, К. В. (2022b) Преградный смысл ребенка: половозрастная и социально-демографическая изменчивость в белорусской популяционной мультывыборке. *Вестник гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология*, т. 12, № 3, с. 115–129. EDN: FVJVZY
- Карпинский, К. В. (2023) *Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых*. Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, 515 с.
- Карпинский, К. В. (2024a) Личностный смысл ребенка в регуляции профессиональной педономической деятельности. *Ярославский педагогический вестник*, № 1 (136), с. 170–184. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_170
- Карпинский, К. В. (2024b) Личностный смысл ребенка и переживание смыслового кризиса в ситуации бесплодия. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, № 2, с. 40–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5105-2024-2-40-55>
- Кон, И. С. (2003) *Ребенок и общество*. М.: Академия, 336 с.
- Леонтьев, Д. А. (1999) *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 487 с.
- Рубинштейн, С. Л. (1959) *Бытие и сознание*. М.: Изд-во АН СССР, 328 с.
- Рубинштейн, С. Л. (1973) *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика, 424 с.
- Салихова, Н. Р. (2010) *Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности*. Казань: Казанский университет, 451 с.
- Салмина, А. В. Карпинский, К. В., Бойко, С. Л. (2024) Разработка и апробация психодиагностической методики «Шкала совладания с бесплодием». *Репродуктивное здоровье. Восточная Европа*, т. 14, № 3, с. 338–346. <https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004>
- Тендрякова, М. В. (2022) *Антропология детства. Прошлое о современном*. М.: ЛитРес, 310 с.
- Arnold, F., Bulatao, R. A., Buripakdi, Ch. et al. (eds.). (1975) *The value of children. A cross-national study: In 4 vols. Vol. 1*. Honolulu: East-West Population Institute Publ., 234 p.
- Aunger, R., Curtis, V. (2013) The anatomy of motivation: An evolutionary-ecological approach. *Biological Theory*, vol. 8, no. 1, pp. 49–63. <https://doi.org/10.1007/s13752-013-0101-7>
- Bernard, L. C., Mills, M., Swenson, L., Walsh, R. P. (2005) An evolutionary theory of human motivation. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, vol. 131, no. 2, pp. 129–184. <https://doi.org/10.3200/MONO.131.2.129-184>
- Buckels, E. E., Beall, A. T., Hofer, M. K. et al. (2015) Individual differences in activation of the parental care motivational system: Assessment, prediction, and implications. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 108, no. 3, pp. 497–514. <https://doi.org/10.1037/pspp0000023>
- Fornell, C., Larcker, D. F. (1981) Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement errors. *Journal of Marketing Research*, vol. 18, no. 1, pp. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Henseler, J., Ringle, C., Sarstedt, M. (2015) A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 43, pp. 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8>
- Kenrick, D. T., Griskevicius, V., Neuberg, S. L., Schaller, M. (2010) Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 5, no. 3, pp. 292–314. <https://doi.org/10.1177/1745691610369469>
- Li, C. H. (2016) Confirmatory factor analysis with ordinal data: Comparing robust maximum likelihood and diagonally weighted least squares. *Behavioral Research Methods*, vol. 48, pp. 936–949. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0619-7>
- Schaller, M. (2006) Parasites, behavioral defenses, and the social psychological mechanisms through which cultures are evoked. *Psychological Inquiry*, vol. 17, no. 2, pp. 96–101. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1702_2
- Trommsdorff, G., Nauck, B. (eds.). (2005) *The value of children in cross-cultural perspective: Case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst Science Publ., 288 p.

References

- Asmolv, A. G., Bratus, B. S., Zeigarnik, B. V. et al. (1979) О некоторых перспективах исследований смысловых образов личностности [On the perspectives in research of meaning structures of personality]. *Voprosy Psichologii*, no. 3, pp. 35–45. EDN: IHSKSF (In Russian)

- Arnold, F., Bulatao, R. A., Buripakdi, Ch. et al. (eds.). (1975) *The value of children. A cross-national study: In 4 vols. Vol. 1.* Honolulu: East-West Population Institute Publ., 234 p. (In English)
- Aunger, R., Curtis, V. (2013) The anatomy of motivation: An evolutionary-ecological approach. *Biological Theory*, vol. 8, no. 1, pp. 49–63. <https://doi.org/10.1007/s13752-013-0101-7> (In English)
- Bernard, L. C., Mills, M., Swenson, L., Walsh, R. P. (2005) An evolutionary theory of human motivation. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, vol. 131, no. 2, pp. 129–184. <https://doi.org/10.3200/MONO.131.2.129-184> (In English)
- Beschasnaya, A. A. (2018) Nablyudaya gryadushchee: obrazy sovremennogo detstva v prognozirovanii budushchego [Watching to the future: Images of modern childhood in predicting the future]. *Tsennosti i smysly — Values and Meanings*, no. 3 (55), pp. 65–78. EDN: [XUAUDJ](https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8) (In Russian)
- Bratus, B. S. (1988) *Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]*. Moscow: Mysl' Publ., 304 p. (In Russian)
- Buckels, E. E., Beall, A. T., Hofer, M. K. et al. (2015) Individual differences in activation of the parental care motivational system: Assessment, prediction, and implications. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 108, no. 3, pp. 497–514. <https://doi.org/10.1037/pspp0000023> (In English)
- Fornell, C., Larcker, D. F. (1981) Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, vol. 18, no. 1, pp. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312> (In English)
- Henseler, J., Ringle, C., Sarstedt, M. (2015) A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 43, pp. 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8> (In English)
- Ilyshev, A. M., Bagirova, A. P. (2021) *Vvedenie v reproduktivistiku: stanovlenie nauki o vosproizvodstve cheloveka [Introduction to the reproductivistics: Raising of the science about human reproduction]*. Moscow: Finansy i statistika Publ., 304 p. EDN: [SUMWAR](https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8) (In Russian)
- Kapitsa, S. P. (2010) *Paradoksy rosta: zakony razvitiya chelovechestva [Growth paradoxes: Regularities of humanity development]*. Moscow: Alpina Non-fikshn Publ., 192 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2019) Motivatsionno-smyslovaya regulyatsiya reproduktivnogo povedeniya cheloveka: kul'turno-istoricheskie transformatsii i metamorfozy [Motivational regulation of human reproductive behavior: Cultural-historical transformations and metamorphoses]. *Social Studies: Theory and Practice*, vol. 7, no. 2, pp. 59–81. <https://doi.org/10.34858/sstp.2.2019.005> (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2021) *Istochniki smysla zhizni: novyj metod psikhodiagnostiki lichnosti [Sources of the meaning of life: New tool for personality psychodiagnostic]*. Grodno: Yanka Kupala state university of Grodno Publ., 219 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2022a) Lichnostnyy smysl rebenka v regulyatsii detsko-roditel'skikh otnoshenij [Personal meaning of a child as a regulator of parent-child relations]. In: N. L. Karpova, E. A. Petrova, O. V. Zotova (eds.). *Obshchenie v epokhu konvergensii tekhnologii — Communication in an era of technology convergence*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., pp. 203–207. <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-208-211> (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2022b) Pregradnyy smysl rebenka: polovozrastnaya i sotsial'no-demograficheskaya izmenchivost' v belorusskoj populyatsionnoj mul'tivyborke [The negative meaning of a child: Gender, age and socio-demographic variability in the belarusian population multi-sample]. *Vestnik grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya — Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology. Pedagogy. Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 115–129. EDN: [FVJVZY](https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-208-211) (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2023) *Lichnostnyy smysl rebenka: chto deti znachat dlya vzroslykh [Personal meaning of a child: What children mean for adults]*. Grodno: Yanka Kupala state university of Grodno Publ., 515 p. (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024a) Lichnostnyy smysl rebenka v regulyatsii professional'noj pedonomicheskoy deyatel'nosti [Personal meaning of a child for an adult as a regulator of professional pedonomic activity]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1 (136), pp. 170–184. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_170 (In Russian)
- Karpinski, K. V. (2024b) Lichnostnyy smysl rebenka i perezhivanie smyslozhiznennogo krizisa v situatsii besplodiya [Personal meaning of a child and experience of a meaning of life crisis in a situation of infertility]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki — Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, no. 2, pp. 40–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5105-2024-2-40-55> (In Russian)
- Kenrick, D. T., Griskevicius, V., Neuberg, S. L., Schaller, M. (2010) Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations. *Perspectives on Psychological Science*, vol. 5, no. 3, pp. 292–314. <https://doi.org/10.1177/1745691610369469> (In English)
- Kon, I. S. (2003) *Rebenok i obshchestvo [Child and society]*. Moscow: Akademiya Publ., 336 p. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (1999) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [The psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of personality]*. Moscow: Smysl Publ., 487 p. (In Russian)
- Li, C. H. (2016) Confirmatory factor analysis with ordinal data: Comparing robust maximum likelihood and diagonally weighted least squares. *Behavioral Research Methods*, vol. 48, pp. 936–949. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0619-7> (In English)

- Rubinshtein, S. L. (1959) *Bytie i soznanie [The Being and The Mind]* Moscow: AS USSR Publ., 328 p. (In Russian)
- Rubinshtein, S. L. (1973) *Problemy obshchej psikhologii [Problems of general psychology]*. Moscow: Pedagogika Publ., 424 p. (In Russian)
- Salikhova, N. R. (2010) *Tsenostno-smyslovaya organizatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti [Value and meaning organization of life space of personality]*. Kazan: Kazan Federal University Publ., 452 p. (In Russian)
- Salmiina, A. V. Karpinsky, K. V., Bojko, S. L. (2024) Razrabotka i aprobatsiya psikhodiagnosticheskoj metodiki "Shkala sovladaniya s besplodiem" [Development and testing of the psychodiagnostic method "Scale of coping with infertility"]. *Reproduktivnoe zdorov'e. Vostochnaya Evropa — Reproductive Health. Eastern Europe*, vol. 14, no. 3, pp. 338–346. <https://doi.org/10.34883/pi.2024.14.3.004> (In Russian)
- Schaller, M. (2006) Parasites, behavioral defenses, and the social psychological mechanisms through which cultures are evoked. *Psychological Inquiry*, vol. 17, no. 2, pp. 96–101. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1702_2 (In English)
- Tendryakova, M. V. (2022) *Antropologiya detstva. Proshloe o sovremennom [Anthropology of childhood. Past about present]*. Moscow: LitRes Publ., 310 p. (In Russian)
- Trommsdorff, G., Nauck, B. (eds.). (2005) *The value of children in cross-cultural perspective: Case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst Science Publ., 288 p. (In English)
- Viliunas, V. K. (1990) *Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka [Psychological mechanisms of human motivation]*. Moscow: Moscow state university named after M. V. Lomonosov Publ., 288 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Константин Викторович Карпинский, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, профессор кафедры психологии, Мамун университет
SPIN-код: [4973-1322](#), Scopus AuthorID: [266590072100](#), ORCID: [0000-0002-1820-4007](#), e-mail: karpkosta@gmail.com

Author

Konstantin V. Karpinski, Doctor of Science (Psychology), Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Experimental and Applied Psychology Chair, Yanka Kupala State University of Grodno, Professor of the Psychology Chair, Mamun University
SPIN: [4973-1322](#), Scopus AuthorID: [266590072100](#), ORCID: [0000-0002-1820-4007](#), e-mail: karpkosta@gmail.com